

СЛОВ СЛУЧАЙНЫХ ГОРЕЧЬ

НАЧАЛО ОСЕНИ

Я проснулся около трех и сказал тебе: осень.
Что-то в шуршанье листвы серебряно стихло.
Русло ручья покрыла зеленая плесень,
и между рам замурованы летние мухи.

В этих краях бесконечных лес – словно море,
дым – как дыханье судьбы, а вода из-под крана
чище источника света, но в последнее время
тянет ложиться читать до поры, слишком рано.

По вечерам стало как-то безмерно спокойно
и отдаленно от суеты старосветской.
Только немного по-прежнему медленно больно
от отлетевшей струны в дальнем отзвуке детском.

Мне никогда не дойти до той мертвенной сути –
строки мои застревают под кожей коряво:
Это – с похмелья питье занавесистым утром,
крепкая вещь, шепутная, – но не отравя.

Плыть по течению в осиротевшую осень,
с чайным припасом, но без капусты с брусникой.
Речь обернется отказом, осколком, порезом,
арникой в давнем лесу, первоптиц вереницей.

Так и войдет – незаметно, но неумолимо,
яблоком хрустнет с ветвей *arbor vitae*.
В этих местах купина была неопалима.
Пар изо рта замерзал, летя без ответа.

НА ПУТИ ОБРАТНО

Как линзы Спинозы
заточены точно
и галька чиста
в потоке прозрачном!
Но крошится глина,
засохшая ломко, –

по формуле времени
великозначной.

Сквозь линзу ландшафт
полуденный чуден –
судьбы перелетной
случайное фото.
По-прежнему ярко,
по-прежнему лётно
в замедленных бликах
последнего света.

К безлюдной Канаде
от бездны бездонной
на вечный огонь
летят самолеты.

* * *

З. Палвановой

Детство за 101-м километром,
где вольнонаемные леса
учтены железным геометром.
Там озер бездонные глаза

отражают в небе тройку ЯК'ов,
канувших в разрывы облаков.
В ваших взглядах догорают знаки
трудо-исправительных веков.

На Левант уходят наши души,
в тихую тревогу тех холмов,
где сирены зов далекий слышен
и дымится вечно черный ров.

Временно твое отдохновенье
среди пылью дышащих олив:
в улочках крутых, кривоколенных,
незаметно созревает взрыв.

Только небо отразит спокойно
мертвость моря, темный лед озер.
Понимаешь, так прожить небольно –
и в пути, среди родных сестер.

ИЗ ГРУЗИНСКОГО ЦИКЛА

АВГУСТ 1968-2008 гг.

Преображенье. Осень не настала.
Пьянящий дух от яблок, крови, водки.

Я помню паровоз «Иосиф Сталин»
и у Джанкоя ржавую подложку.

Свободный мир за пару километров:
Комфорт Москвы с ее теплом утробным,
с загробной вьюгой, поземельным ветром.
Родной брусчатки хруст на месте Лобном.

За сорок лет уж все давно забыли
цветы на танках, как навис Смерковский
над площадью, где Кафка в черной пыли
писал письмо Милене, ставшей дымом.

Броня крепка и танки наши быстры
по Приднестровью, по пустыне Гори.
Мы – по долинам и по дальним взгорьям,
от тихой Истры до бурлящей Мктвари.

За сорок лет ракеты заржавели,
сотрудники попали в президенты.
Все так же Мавзолея сизы ели,
хотя и потускнели позументы.

Но черная река все льет на запад,
и шоферюга ищет монтировку.
Над Третьим Римом хмарь и гари запах
и ВВС на рекогносцировке.

ГОРИ. ИЮЛЬ 2008 ГОДА

Жарко и пусто в садах супостата.
Бесполезная жизнь элементов:
вот горящее сердце солдата,
там – циррозный любитель абсента.

В беспределе зомбических статуй
умирают три времени года.
И никто не сидит за растрату,
и молчит изваянье уroda.

Так живет Валаам пораженных
среди винных холмов вдохновенных.
Для истории – два-три ожога,
до глубоких костей сокровенных.

* * *

Она говорит: куда ты, куда?
Я говорю: далеко, на запах
дыма и камня, туда, где вода
нас от безумья спасает обоих.

Сколько на жизни келоидных мет,
эта – фантомом физической боли.

Ты понимаешь: ответа тут нет,
нету на вход в этот сад пароля.

Мыслящий вслух опадающий сад,
полуживые, шевелятся угли.
Мертвая пыль по музеям усадеб,
сад до осенней поры не порублен.

Мы, отщепенцы, видны по глазам –
Щепки еще со времен Халхин-Гола.
Пишут: сжигают в Боржоми леса,
с ними сгорают мои глаголы.

* * *

Длится слов случайных горечь.
Тени мечутся во тьме.
Перед сном гуляет горе,
на носу его пенсне.

Лучше выпьем чаю вместе,
будем дома: сломан лифт –
Все равно доходят вести
и душа во сне болит.

Разговаривайте, души:
все же легче говорить.
Ночью ты меня послушай,
утром кашу мне свари.

* * *

Не берегись, коли выйдешь на эту тоску,
ближе к черте на прибрежном песке
одиночества. Вести – как отсыревших поленьев треск.
Надо б додумать, но мысль повисает на волоске.

Кто-то там прав: судьба коротка и стрёмна,
боль хоть сильна, но завянет гвоздикой без солнца.
Я полюблю, хоть неровно, но, верно, надолго.
Но уходить навсегда жизнь научит переселенца.

Я эту боль изучил по складам в пятом классе.
Наглухо двери закрыты во всем околотке:
ни отголоска, ни эха, и вешние страсти –
словно байки вздох в одночасье
с дымом на выдохе рядом соседу по койке.

* * *

Вот и все. Вторая дверь закрыта
в преисподнюю, в приемную – куда угодно.

Выйди, вольнонаемный, просто в исподнем,
на свиданье последнее,
на легкий снег: наследить,
уйти невыслеженным.

В назидание молодым следопытам:
в конце концов остаешься наедине
с лесом выжженным,
чаем испитым, диском в окне.

Жалей себя, не жалей – неважно.
Просто послушай: сердце бьется,
оно само все решит, разберется,
и в событий коросте
найдет каплю крови.

Вот это и есть, что остается.
Не осушай, не наклеивай пластыря,
не показывай посторонним,
посторонись при встрече –
и когда-нибудь в будущем, утром ранним,
опять поймешь, что еще не вечер,

не все кошки серы, сестры не идентичны,
и зал ожидания, тот зал просторный,
где хоронят прошлое, ждет в тумане,
за рекой, за всеми мостами
с твоим похороненным делом личным.

Пройди через турникет к полосе отчуждения,
на встречу с собой, посмотри приветливо.
Ты там один, и навстречу судьбе
Скользит по жизни, вслед за метами,
линия жизни – она безответная.